
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ/POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.28> EDN: MUDWSK**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОКСИ-ВОЙНЫ КАК ИНДИКАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА И ЦЕНТРОВ СИЛЫ**

Научная статья

Николенко А.А.^{1,*}, Шульга И.О.²¹ORCID : 0000-0001-8405-0897;^{1,2} Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nika.90[at]bk.ru)

Предложена: 12.05.2026; Принята: 04.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

Данная статья исследует феномен прокси-войн как ключевого инструмента современной международной политики в условиях растущей глобальной нестабильности. Актуальность темы прокси-войн обусловлена их ролью как индикатора трансформации глобального лидерства в условиях перехода к многополярному миру, где эти конфликты, сочетая гибридные тактики и риск эскалации в полномасштабные войны, системно угрожают международной стабильности, подрывают суверенитет и нормы права. Доказано, что прокси-войны, возникая из внутренних кризисов или межгосударственных противоречий, трансформируются в многослойные конфликты с участием внешних акторов, что ведет к затяжной нестабильности и рискам глобальной эскалации.

Ключевые слова: прокси-войны, гегемонизм, международная нестабильность, Сирия, Йемен, Ирано-израильский конфликт, Российско-украинский конфликт, многополярность.

MODERN PROXY WARS AS AN INDICATOR OF THE TRANSFORMATION OF GLOBAL LEADERSHIP AND CENTRES OF POWER

Research article

Nikolenko A.A.^{1,*}, Shulga I.O.²¹ORCID : 0000-0001-8405-0897;^{1,2} Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

* Corresponding author (nika.90[at]bk.ru)

Suggested: 12.05.2026; Accepted: 04.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

The article examines the phenomenon of proxy wars as a key instrument of modern international politics in the context of growing global instability. The relevance of the topic of proxy wars is due to their role as an indicator of the transformation of global leadership in light of the transition to a multipolar world, where these conflicts, combining hybrid tactics with the risk of escalation into full-scale wars, systematically threaten international stability and undermine sovereignty and the rule of law. It has been proven that proxy wars, arising from internal crises or interstate conflicts, transform into multi-layered conflicts involving external actors, leading to protracted instability and the risks of global escalation.

Keywords: proxy wars, hegemony, international instability, Syria, Yemen, Iran–Israel conflict, Russia–Ukraine conflict, multipolarity.

Введение

Прокси-войны заняли заметное место среди инструментов современной геополитики и в XXI веке превратились в один из самых значимых факторов вооружённых конфликтов. Под этим термином обычно понимают «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране». Главная особенность подобной войны состоит в непрямом участии внешнего инициатора. Заказчик остаётся в стороне, тогда как зависимая сила или союзный участник ведёт борьбу вместо него и в его интересах [1, С. 62].

Основные результаты

Причины возникновения таких конфликтов различны: геополитические, территориальные, стратегические. Особенно важным поводом нередко становится желание установить контроль над конкретными территориями или закрепить вопрос суверенитета. Крупные державы часто втягиваются в затяжное соперничество ради укрепления собственного влияния. Для них это способ закрепиться в определённых регионах и распространить контроль на другие страны. Через подобные войны одна сторона пытается заставить другую принять нужные условия. Более сильный политический игрок старается изменить поведение противника силовым давлением, что нередко ведёт к ограничению свобод населения и потере им доступа к важнейшим ресурсам [2].

Разбирая геополитическую суть прокси-войн Николай Викторович Стариков, отметил, что ключевая задача политических лидеров состоит в том, чтобы добиваться доминирования через контроль ресурсов и расширение собственной сферы влияния. Особую роль в данном процессе играют «чужие руки» — силы, которые используются как инструмент давления и нанесения ущерба противостоящей стороне [3, С. 10].

Хотя традиционно прокси-война ассоциируется с противоборством двух государств, на практике круг участников шире. В таких конфликтах могут быть задействованы не только страны, но и негосударственные структуры: террористические организации, олигархические объединения, транснациональные корпорации и частные военные компании. В первом десятилетии XXI века стала заметна новая форма подобных войн. Её отличие в том, что ведущие силы всё реже действуют самостоятельно. Намного чаще они предпочитают продвигать свои интересы через союз государств, разделяющих общие цели и выступающих единой коалицией [4, С. 6–8].

Сегодня международная сфера стала заметно менее устойчивой и гораздо более трудно прогнозируемой. Страны регулярно пересматривают свои взгляды, корректируют внешнеполитический курс и меняют способы взаимодействия друг с другом. Даже между государствами, которые формально считаются партнерами или входят в одни и те же объединения, складываются самые разные модели отношений. Это может быть сотрудничество на равных, зависимость одной стороны от другой, конкуренция, стремление к преобладанию, прочный союз или, напротив, временное ухудшение контактов. В одних случаях связи выстроены последовательно и понятно, в других — развиваются бессистемно и противоречиво. Одни отношения можно предугадать, другие почти не поддаются точной оценке. Дополнительную нестабильность в мировую политику вносят не только сами государства, но и другие участники международной жизни. Речь идет о неправительственных организациях глобального масштаба, транснациональном бизнесе, национальных и религиозных сообществах, демографических группах, а также террористических структурах. Каждый из таких акторов продвигает собственное представление о будущем мирового порядка и исходит из своих интересов и задач [5].

Для начала стоит развести понятия «гегемонизм» и «лидерство», если рассматривать их через призму государства как политического института, а затем обозначить, в чем они пересекаются и чем принципиально отличаются. Понятие «гегемонизм» восходит к греческому слову *hegemonia*. Его смысл связан с господством, первенством, управлением и ведущей ролью. В политике этим термином обозначают стремление определенного субъекта занять доминирующее положение и подчинить себе остальных участников процесса. Обычно это проявляется в стремлении сосредоточить власть в одних руках, навязывать собственные решения другим и добиваться безусловного подчинения своей воле со стороны всех участников политических отношений [6].

Лидерство государства, как и его претензии на доминирующее положение, определяется тем, насколько сильно оно способно влиять на мировые процессы и на участников международных отношений. При этом важно, чтобы страна сохраняла возможность ясно выражать и защищать собственные национальные интересы в обстановке, где связи между государствами становятся все более многослойными, а изменения в мировой политике часто развиваются непредсказуемо. Такое лидерство невозможно без деятельной и продуманной внешней политики. Ее задача состоит в том, чтобы находить наиболее эффективный баланс между интересами самого государства, интересами нации и ожиданиями партнеров. Именно через это достигаются более прочный мир, усиление внутренней безопасности страны, а также поддержание международной устойчивости. Существенную роль играют и иные ресурсы: состояние экономики, политический вес, привлекательность идеологии, а также культурное влияние. Именно совокупность всех этих факторов во многом определяет реальные позиции государства в мире.

Гегемония и лидерство близки по своей сути, поэтому на практике провести между ними четкую границу часто очень сложно. На такое смешение влияют идеологические установки, интересы военно-политических блоков, текущая политическая ситуация, личные оценки участников. И в том и в другом случае государство проводит активную внешнюю политику, добивается продвижения собственных национальных интересов и стремится усиливать воздействие на развитие международных процессов, а также на результаты мировых политических событий. Именно это во многом и сближает гегемонизм с лидерством. Однако различия между ними все же есть. Лидерство, в отличие от гегемонии, не строится на чувстве превосходства или убежденности в исключительности своей страны. Для него также не характерны завышенная оценка собственных достижений, принижение чужих успехов и навязывание своих взглядов как единственно верных [7, С. 116–118].

Чтобы государство могло выстраивать внятную и эффективную политическую линию, оно должно понимать, у кого в мире сосредоточено реальное влияние и где находятся ключевые центры силы.

Однополярностью принято называть тип мироустройства, при котором существует только одно главенствующее государство — гегемон. В.В. Путин дал такое определение однополярной системе: «Однако что же такое однополярный мир? Как бы не украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена».

Иной подход к устройству международной системы — это многополярность. Суть её в том, что глобальная политика строится не вокруг одного лидера, а вокруг нескольких влиятельных центров, сопоставимых по своему весу и возможностям.

Многополярность в мировой политике возникла не случайно. На ранних этапах государства вели в основном местную политику: их внимание было сосредоточено прежде всего на собственных границах и ближайшем окружении. Ситуация резко изменилась после промышленной революции. Появление новых технологий, развитие производства, создание современных материалов и стремительный прогресс транспорта сделали мир намного более связанным.

Именно эти перемены запустили процессы международного сближения и взаимозависимости. Государства перестали ограничиваться только соседними регионами, а их интересы вышли далеко за прежние рамки [8].

В начале XXI века характер вооружённых конфликтов заметно изменился. Всё чаще решающую роль в них играют не прямые столкновения государств, а косвенные формы участия, когда крупные силы действуют через партнёров, локальные вооружённые формирования, политические организации, финансовое давление и информационное воздействие. На фоне тесной связности мировой экономики и высокой цены открытой войны между государствами прокси-инструменты оказались особенно удобными. Они дают возможность наращивать влияние, менять расстановку сил в нужную сторону и при этом оставлять себе возможность официально не признавать собственное участие. Одновременно это сохраняет пространство для дипломатического торга и гибких политических манёвров.

Обычно такие войны возникают там, где внутренние проблемы накладываются на международное соперничество. Речь идёт о слабости государственных институтов, общественных расколах, борьбе элит, идеологических противоречиях и религиозных линиях напряжения. Когда к этому добавляется внешняя конкуренция за лидерство в регионе, влияние на системы безопасности, контроль над маршрутами связи и доступ к ресурсам, локальное противостояние быстро усложняется. В итоге войны становятся многослойными: меняется круг участников, перестраиваются союзы, появляются новые каналы финансирования, а вмешательство принимает самые разные формы — от ввода войск и передачи оружия до санкций, кибератак и целенаправленной информационной политики.

В данной статье будут рассмотрены следующие примеры современных прокси-войн: гражданская война в Сирии, Ирано-израильский прокси-конфликт, конфликт в Йемене, конфликт России и Украины. Эти четыре случая объединяет общий механизм развития событий. Сначала возникает внутренний кризис власти и утрата контроля над ситуацией — либо в основе лежит затяжная региональная конфронтация. Затем напряжение переходит в фазу вооружённой борьбы. После этого конфликт уже развивается не только как местное столкновение, а по модели прокси-противостояния, когда в него всё заметнее вовлекаются внешние силы.

Сирию часто называют самым наглядным примером прокси-войны. Причина в том, что протесты, начавшиеся на волне «арабской весны», очень быстро перестали быть только внутренним политическим кризисом и переросли в долгую гражданскую войну.

С самого начала были заметны и социально-экономические поводы для недовольства, и запрос на перемены. Но не меньшее значение имели политические и конфессиональные линии раскола. Ситуацию обостряли монополия партии Баас, отсутствие легальных механизмов для оппозиционной борьбы и то, что власть и силовой аппарат были сосредоточены в руках правящей группы, связанной с алавитским меньшинством. Такая конструкция лишь усиливала напряжение и делала общество всё более разделённым [9]. Дальше конфликт стал ещё сложнее. Против правительства выступали многочисленные вооружённые формирования, в том числе исламистские, и они нередко сражались не только с режимом, но и между собой. На северо-востоке курдские силы заявили о своей автономии и одновременно оборонялись сразу от нескольких противников. Параллельно шла отдельная война против «Исламского государства» в период с 2013 по 2019 год. При этом отдельно отмечается и систематическое использование химического оружия со стороны режима. Именно такая раздробленность внутри страны сделала Сирию особенно удобной площадкой для внешнего вмешательства. Иностранные игроки не просто подключились к уже идущей войне, а встроили собственные интересы и каналы поддержки прямо в её структуру. Коалиция под руководством США официально говорила о борьбе с ИГ, но одновременно помогала противникам Асада, прежде всего курдским силам, включая поставки оружия. Турция ввела войска на север Сирии и поддерживала исламистские группировки. Россия встала на сторону Асада. Иран и «Хезболла» также действовали в интересах Дамаска [10]. Поэтому сирийскую войну нельзя описать как обычное противостояние двух сторон. Это скорее узел из нескольких конфликтов, наложенных друг на друга, где внутренние линии борьбы постоянно пересекались с интересами внешних государств. Именно такая многослойность и делает сирийский случай типичным для прокси-формата. Отдельно важно то, что в этом случае достаточно ясно видны мотивы внешних участников. Россия исходила не только из идеи о недопустимости свержения законной власти. Для неё были важны и сохранение светского характера сирийского государства, и недопущение распространения терроризма, и укрепление собственного военного присутствия в стратегически важном регионе. Кроме того, учитывались и внутренние политические расчёты, включая эффект «маленькой победоносной войны» и демонстрацию того, что Москва не бросает союзников. Со стороны США, как отмечается, просматривалось стремление усилить свои позиции в энергетической сфере и одновременно поддерживать силы, выступавшие против Асада [11]. Активная стадия войны фактически сошла на нет к 2020 году, когда начали действовать зоны деэскалации. По сути, это означало не устранение причин конфликта, а разведение сторон и закрепление контроля над территориями. Асад, сохранив власть, воспринимал это как собственную победу [10]. Именно в этом и состоит сирийская особенность. Внешнее вмешательство не привело ни к однозначному триумфу одной коалиции, ни к прочному миру. Вместо окончательного разрешения возникла управляемая, но всё ещё незавершённая конфликтность.

Йеменская война во многом напоминает сирийскую тем, что обе выросли из волны протестов 2011 года. Однако дальше их траектории расходятся: в Йемене иначе устроено внешнее участие и по-другому выглядит сама логика прокси-противостояния.

Отправной точкой здесь тоже стали выступления против власти, за которыми последовал тяжёлый политический кризис. Даже передача полномочий и избрание нового временного президента не сняли напряжение. Страна не перешла к устойчивости: столкновения между властями и различными оппозиционными силами продолжались. Ключевой разлом в йеменском конфликте сложился между лагерем Хади и хуситами — шиитским движением, базирующимся главным образом на севере страны. Особенно резко ситуация обострилась в 2014 году. Поводом стали социально-экономические меры: власти сократили субсидии на топливо, цены выросли, и это дало новый импульс кризису. После этого хуситы начали быстро усиливать свои позиции. Им удалось взять под контроль часть Саны, а также важные государственные объекты. Даже соглашение, достигнутое при посредничестве ООН, не смогло надолго остановить вооружённое противостояние — конфликт снова вошел в фазу борьбы.

Главная особенность Йемена как прокси-конфликта в данном случае связана не столько с множеством конкурирующих внешних игроков, сколько с прямой региональной интервенцией. После того как были захвачены ключевые центры власти, а президент бежал в Саудовскую Аравию, началась воздушная операция Эр-Рияда и арабской коалиции. Сначала она шла под названием «Буря решимости», затем — «Возрождение надежды», но смена названия не означала прекращения авиаударов. Если в Сирии одновременно действуют многие внешние силы и пересекаются несколько линий соперничества, то в Йемене картина выглядит иначе. Здесь гражданская война в значительной степени определяется поддержкой одной из сторон со стороны региональной коалиции. Попытки договориться дипломатическим путем остаются крайне неустойчивыми и постоянно срываются, из-за чего конфликт закрепляется как затяжной [12]. Сходство Йемена с Сирией состоит в том, что оба кризиса выросли из внутренних потрясений и со временем стали международно вовлеченными. Но различие в том, что в йеменском случае меньше выражена многосторонняя конкуренция на одном поле, а решающую роль играет именно региональное военное вмешательство как главный механизм внешнего воздействия.

Противостояние Ирана и Израиля показывает другую логику прокси-конфликта. Здесь всё развивалось не из внутренней войны, как в ряде других случаев, а из затяжного межгосударственного соперничества, в котором посредники и не прямые инструменты долгое время позволяли сторонам не переходить к открытому военному столкновению.

После революции 1979 года Тегеран разорвал официальные связи с Израилем и выстроил устойчивую политико-идеологическую линию на его непризнание. Одним из главных каналов такого непрямого давления стала поддержка «Хезболлы». Именно поэтому войну Израиля против «Хезболлы» в 2006 году фактически рассматривают как опосредованное столкновение между Израилем и Ираном. К этому добавляются годы скрытых операций, взаимных ударов, диверсий и провокаций, которые особенно заметно усилились в последние годы [13]. Но ключевым моментом является то, что прокси-модель со временем перестаёт сдерживать рост насилия. В событиях 2025–2026 годов уже зафиксирован переход к прямым и регулярным ударам по иранским военным и ядерным объектам, а также к ответным атакам по территории Израиля. Затем в конфликт включаются США: сначала через удары по иранской ядерной инфраструктуре, потом — через ответ Ирана по американской базе. После этого начинается новый виток эскалации с чрезвычайными мерами, более масштабной военной операцией при участии США и жёсткой риторикой о недопущении появления у Ирана ядерного оружия и даже о смене режима [14]. Если сравнивать этот случай с Сирией или Йеменом, то там речь шла прежде всего о внешнем вмешательстве в гражданские войны. Здесь же мы видим постепенное перерастание межгосударственного противостояния в прямую войну. Прокси-этап, связанный с «Хезболлой» и длительной подрывной активностью, оказался не самостоятельной формой конфликта, а скорее его предварительной стадией. Этот пример прямо показывает: прокси-инструменты могут какое-то время смягчать столкновение и откладывать открытую войну, но сами по себе они не способны гарантировать, что конфликт не перейдёт в открытую войну.

Если смотреть именно на логику развития событий, то российско-украинская ситуация в наибольшей степени напоминает иранско-израильскую, хотя исходные причины и общий фон у них разные.

Вторжение России в Украину возникло не внезапно. Ему предшествовал долгий этап гибридного противостояния. После кризиса 2013–2014 годов и ухода Януковича Россия присоединила Крым. Затем на востоке Украины при российской военной и организационной поддержке появились вооружённые группы нерегулярного типа, которые заняли административные объекты, запустили сепаратистскую динамику и к середине мая оформили ДНР и ЛНР. Это привело к боям с украинскими государственными силами. Именно здесь находится главный прокси-компонент этого сюжета. Смысл был в том, чтобы изменить обстановку на территории чужой страны через подконтрольные структуры и полувоенные силы, сохраняя при этом формат не до конца объявленной войны. Следующий уровень конфликта связан уже со стратегическим спором вокруг внешнеполитического курса Украины и темы НАТО. Киев укрепил направление на интеграцию с ЕС и альянсом. Москва, со своей стороны, утверждала, что возможное вступление Украины создаёт для неё угрозу. В НАТО эти доводы отвергали и одновременно подчёркивали, что в обозримом будущем членство Украины само по себе выглядит малореалистичным [15]. После эскалации в феврале 2022 года конфликт перешёл в открытую фазу. Россия объявила о начале «специальной военной операции», нанесла удары по военной инфраструктуре и ввела войска с российской территории, из Крыма и со стороны Белоруссии. Украина в ответ ввела военное положение и прекратила дипломатические отношения [16]. Если сравнивать с сирийским примером, то в Сирии прокси-механика долго поддерживает войну с множеством участников и в итоге ведёт к затяжной заморозке. В российско-украинском случае гибридный и опосредованный этап оказался не постоянной моделью, а подготовительной стадией перед прямым столкновением регулярных армий. Поэтому траектория здесь ближе к схеме перехода от непрямого давления к открытому военному столкновению, как и в истории Ирана и Израиля.

Если смотреть на все четыре конфликта вместе, их объединяет одна важная черта: это не простые войны, а сложные, многослойные противостояния. В них внутренние кризисы не существуют отдельно от внешней борьбы за влияние. Наоборот, одно постоянно усиливает другое. При этом прокси-механизмы становятся удобным способом и наращивать давление, и одновременно не доводить ситуацию до слишком рискованного прямого столкновения. Но различаются эти конфликты по своему происхождению и по тому, как дальше менялась роль посредованных форм войны. Сирия и Йемен выросли из волнений и политических потрясений периода «арабской весны», а затем превратились в площадки для вмешательства внешних игроков. В сирийском случае особенно заметна предельная насыщенность участниками: сторон слишком много, интересы пересекаются, а сама война в значительной степени застыла в формате деэскалационных зон. Йемен, в свою очередь, больше характеризуется вмешательством региональной коалиции и повторяющимися циклами нестабильных перемирий, которые то возникают, то быстро разрушаются. Совсем иначе развивались линии Иран—Израиль и Россия—Украина. Здесь продолжительная прокси-

или гибридная конфронтация со временем начала уступать место более открытому военному столкновению. Иными словами, тот формат, который раньше сдерживал прямую войну, перестал выполнять главную ограничивающую функцию. В иранско-израильской ситуации это видно по росту внешней эскалации, включая американское вовлечение. В российско-украинском случае переломным моментом стал переход к открытому вторжению, после которого прокси-логика уже не могла оставаться основной рамкой конфликта.

Прокси-войны прочно утвердились как ключевой стратегический инструмент передела влияния на глобальном и региональном уровнях. В условиях, когда мир тесно связан экономически, политически и технологически, открытое столкновение между крупными державами слишком дорого и опасно. Поэтому государства все чаще действуют через посредников. Такой подход позволяет решать сразу несколько задач. Через поддержку союзных сил внешние игроки пытаются укрепить собственные позиции, ослабить соперников и изменить политический баланс в нужную для себя сторону. Одновременно они сохраняют пространство для дипломатического маневра и стараются не доводить ситуацию до прямой войны между собой.

Но считать прокси-войны универсальным и надежным инструментом было бы неправильно. Во-первых, их результативность сильно зависит от конкретной обстановки. Наиболее заметный эффект они обычно дают там, где само государство уже ослаблено внутренним расколом, а центральная власть не контролирует ситуацию в полной мере. Сирия — один из самых показательных случаев: внешние силы там опирались на разные вооруженные лагеря, используя внутренний кризис в собственных интересах. Совсем иначе этот механизм работает в конфликтах, где изначально присутствует жесткое противостояние между сильными государствами. В подобных условиях опосредованная борьба становится менее управляемой и куда более взрывоопасной. Это видно на примере связки Иран—Израиль, а также Россия—Украина, особенно после событий 2022 года. Подобные конфликты показывают, что дистанционное участие может быстро перерасти в прямое столкновение с крайне тяжелыми последствиями.

Во-вторых, даже когда вмешательство через прокси формально выглядит удачным, оно редко заканчивается понятной победой и почти никогда не приносит устойчивого мира. Намного чаще итогом становится затяжное зависание конфликта без окончательной развязки. Подобная ситуация сложилась, например, в Сирии и Йемене. Для внешнего покровителя это означает не разовый успех, а необходимость постоянно вкладывать силы, деньги и политические ресурсы в поддержание нестабильности.

В-третьих, успех такой стратегии напрямую зависит от способности патрона держать под контролем тех, кого он поддерживает. На практике добиться этого удается далеко не всегда. Вооруженные группы нередко преследуют собственные цели, которые лишь частично совпадают с интересами внешнего покровителя. Они могут конфликтовать между собой, выходить из подчинения или предпринимать шаги, на которые их куратор не рассчитывал.

В итоге прокси-войны нельзя считать полноценной заменой прямому силовому противоборству. Скорее это опасный и ограниченный по эффективности способ вести борьбу за влияние, стараясь не переходить к открытому военному столкновению. Их привлекательность понятна: они дают шанс давить на противника без немедленного вступления в войну. Однако возможности этого механизма не стоит переоценивать. Его эффективность всегда зависит от конкретного политического и военного контекста, а риск эскалации остается встроенным в саму логику таких конфликтов.

Прокси-войны обычно подаются как способ продвигать государственные интересы без прямого столкновения с противником. На первый взгляд такой подход действительно выглядит менее опасным: вместо собственной армии используются вооруженные группы, действующие на территории другой страны. Но если смотреть на это явление в стратегическом масштабе, становится ясно, что его последствия намного серьезнее, чем кажется. Речь идет не просто о частных кризисах, а о подрыве международной безопасности и размывании базовых правовых норм.

Для международной безопасности прокси-войны несут системные угрозы. Они затягиваются на годы, превращая отдельные страны в постоянные зоны нестабильности. Это хорошо видно на примере Сирии, Йемена и Ливии, где вооруженное противостояние породило не только внутренний хаос, но и более широкие угрозы: рост террористической активности, усиление транснациональной преступности, тяжелые гуманитарные последствия и крупные потоки беженцев, которые дестабилизируют уже соседние регионы. Еще опаснее то, что прокси-механизм почти никогда не дает полного контроля над развитием событий. Представление о том, что конфликт можно удерживать на “дистанции”, часто оказывается самообманом. Любая такая схема способна выйти из-под контроля и перерасти в прямое столкновение крупных держав. Это подтверждают и переход конфликта на Донбассе к полномасштабному вторжению России в Украину в 2022 году, и прямые удары между Ираном и Израилем в 2025–2026 годах. Если подобная эскалация затрагивает ядерные государства или их ключевых союзников, риски приобретают уже не региональный, а глобальный масштаб. Кроме того, сама практика использования прокси разрушает и политическую среду между самими государствами. Когда поддержка чужих вооруженных формирований становится обычной практикой, уровень доверия падает почти до нуля. Страны начинают исходить из худшего сценария, подозревать друг друга в скрытом вмешательстве и ускоренно наращивать военные ресурсы, в том числе гибридные и асимметричные инструменты давления. В результате международные институты безопасности теряют эффективность. И ООН, и региональные структуры вроде ОБСЕ или Лиги арабских государств часто оказываются неспособны действовать, потому что их участники сами вовлечены в такие конфликты и блокируют общие решения. Постепенно насилие закрепляется как допустимый способ добиваться политического результата, а механизмы сдерживания слабеют.

Для международного права последствия прокси-войн не менее разрушительны. Они бьют по одному из основных принципов международного порядка — суверенному равенству государств и запрету вмешательства во внутренние дела, закрепленному в статье 2(7) Устава ООН. Когда одно государство вооружает, финансирует или направляет негосударственных боевых акторов на территории другого, это фактически означает вторжение в его внутреннюю сферу. Даже если формально участие отрицается, суть от этого не меняется: суверенитет нарушается. Особенно

разрушительной является практика так называемого «отрицаемого участия». Она создает правовые серые зоны, в которых государство-покровитель старается снять с себя ответственность за действия подконтрольных ему сил. Даже при наличии данных о снабжении, финансировании или координации доказать международно-правовую ответственность бывает крайне сложно. Из-за этого размывается сам принцип ответственности государства за противоправные действия и формируется опасное ощущение безнаказанности. Не менее тяжелые последствия видны в сфере международного гуманитарного права. Вооруженные группы, действующие как прокси, нередко плохо управляемы или сознательно не ограничиваются правовыми рамками. Именно поэтому в таких конфликтах часто происходят военные преступления, а гражданское население оказывается особенно уязвимым. При этом привлечь виновных к ответственности сложно, потому что связь между конкретными преступлениями и государством, которое стоит за такими группами, нередко трудно доказать. Дополнительную проблему создает и смешанный характер подобных войн: граница между внутренним конфликтом и международным вооруженным противостоянием становится неясной, а от этой квалификации зависит, какие именно правовые нормы должны применяться.

Заключение

В итоге, практика прокси-войн, вопреки тактическим выгодам для отдельных акторов, выступает серьезным источником нестабильности. Они подрывают доверие между сторонами, ослабляют значение правовых норм и заметно повышают вероятность глобальной катастрофы. Чтобы защитить суверенитет в условиях прокси-войн, нужен не один отдельный шаг, а целая система мер. Подобные конфликты обычно не ограничиваются вооруженным противостоянием. Они включают в себя давление через киберпространство, удары по экономике и целенаправленное влияние на общественное мнение.

Одно из ключевых направлений — усиление государственных институтов и повышение качества управления. Когда власть воспринимается как законная, а государственные механизмы работают устойчиво, внешним силам значительно труднее использовать внутренние слабости в своих интересах. Сюда же относится снижение уровня коррупции, соблюдение закона и создание условий, при которых социальные и экономические проблемы не превращаются в почву для дестабилизации.

Не менее важен и экономический суверенитет страны. Речь идет о контроле над финансовыми потоками, сокращении зависимости от внешних источников влияния и ограничении зарубежного финансирования политических и общественных организаций. Дополнительно большое значение имеет устойчивость собственной финансовой системы, чтобы государство могло действовать независимо и не становилось уязвимым перед внешним давлением.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Вербицкая Т.В., Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.28.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Verbitskaia T.V., Ural State Archives, Ekaterinburg Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.28.1>

Список литературы / References

1. Шабров О.Ф. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире / О.Ф. Шабров // Государственная служба. — 2007. — № 2.
2. Авцинова Г.И. Гегемонизм / Г.И. Авцинова // Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. — Москва, 2003. — Т. 1. — С. 210.
3. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении политике / О.Ф. Шабров // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2009. — Т. 2. — № 5.
4. Панамарев А.Ю. Современная система международных отношений: однополярность или многополярность? / А.Ю. Панамарев // Вопросы студенческой науки. — 2022. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sistema-mezhdunarodnyh-otnosheniy-odnopolyarnost-ili-mnogopolyarnost> (дата обращения: 15.03.2026).
5. Винницкая А. Сопrotivление в песках: как началась гражданская война в Сирии / А. Винницкая, П. Делоне // Ведомости. — 2026. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2026/03/15/1182494-soprotivlenie-v-peskah#140737498463680> (дата обращения: 15.03.2026).
6. Кто и с кем воюет в Сирии: джихадисты, протурецкие группировки и ключевые союзники Асада // Life.ru. — Москва, 2024. — URL: <https://life.ru/p/1708639?ysclid=mnvfklt2wb146895706> (дата обращения: 22.03.2026).
7. Топкасова Г.С. Феномен проху-войны (на примере сирийского конфликта) / Г.С. Топкасова // Государство, общество, личность: история и современность: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 28–29 апреля 2021 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. — С. 163–169. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46116580> (дата обращения: 22.03.2026).
8. Основные этапы конфликта в Йемене // ТАСС. — Москва, 2017. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2598135> (дата обращения: 29.03.2026).
9. История конфликта и атак Израиля против Ирана // ТАСС. — Москва, 2025. — URL: <https://tass.ru/info/24211415> (дата обращения: 29.03.2026).

10. Война Израиля и Ирана в 2026 году: причины, хронология и последствия // РИА Новости. — Москва, 2026. — URL: <https://ria.ru/20260228/izrail-iran-prichiny-voyny-2023542052.html#2023542052-2023542057> (дата обращения: 29.03.2026).

11. Russia-Ukraine War // Britannica. — USA, 2026. — URL: <https://www.britannica.com/event/Russia-Ukraine-War#ref354589> (accessed: 05.04.2026).

12. Хронология специальной военной операции // Руниверсалис. — URL: https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 05.04.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Shabrov O.F. Ispitanie raznootrazhiem: predeli upravleniya v sovremennom mire [The Challenge of Diversity: The Limits of Governance in the Modern World] / O.F. Shabrov // Gosudarstvennaya sluzhba [Public Service]. — 2007. — № 2. [in Russian]

2. Avtsinova G.I. Gegemonizm [Hegemonism] / G.I. Avtsinova // Sotsiologicheskaya entsiklopediya. V 2-kh tomakh [Encyclopaedia of Sociology. In 2 volumes]. — Moscow, 2003. — Vol. 1. — P. 210. [in Russian]

3. Shabrov O.F. Standarti kachestva v gosudarstvennom upravlenii politike [Quality Standards in Public Administration and Policy] / O.F. Shabrov // Problemnii analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie [Problem Analysis and Public Administration Planning]. — 2009. — Vol. 2. — № 5. [in Russian]

4. Panamarev A.Yu. Sovremennaya sistema mezhdunarodnykh otnoshenii: odnopolyarnost ili mnogopolyarnost? [The Contemporary System of International Relations: Unipolarity or Multipolarity?] / A.Yu. Panamaryov // Voprosi studentcheskoi nauki [Student Research Papers]. — 2022. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sistema-mezhdunarodnyh-otnosheniy-odnopolyarnost-ili-mnogopolyarnost> (accessed: 15.03.2026). [in Russian]

5. Vinnitskaya A. Soprotivlenie v peskakh: kak nachalas grazhdanskaya voyna v Sirii [Resistance in the Sands: How the Syrian Civil War Began] / A. Vinnitskaya, P. Delone // Vedomosti [News]. — 2026. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2026/03/15/1182494-soprotivlenie-v-peskah#140737498463680> (accessed: 15.03.2026). [in Russian]

6. Kto i s kem voyuet v Sirii: dzhikhadisti, proturetskie gruppirovki i klyuchevie soyuzniki Asada [Who is fighting whom in Syria: jihadists, pro-Turkish groups and Assad's key allies] // Life.ru. — Moscow, 2024. — URL: <https://life.ru/p/1708639?ysclid=mnvfklt2wb146895706> (accessed: 22.03.2026). [in Russian]

7. Topkasova G.S. Fenomen proxy-voyni (na primere siriiskogo konflikta) [The Phenomenon of Proxy Wars (on the example of the Syrian conflict)] / G.S. Topkasova // Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost: istoriya i sovremennost: Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 28–29 aprelya 2021 goda [State, Society, Individual: History and the Present Day: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Penza, 28–29 April 2021]. — Penza: Penza State Agrarian University, 2021. — P. 163–169. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46116580> (accessed: 22.03.2026). [in Russian]

8. Osnovnie etapi konflikta v Yemene [The main stages of the conflict in Yemen] // TASS. — Moscow, 2017. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2598135> (accessed: 29.03.2026). [in Russian]

9. Istoriya konflikta i atak Izrailya protiv Irana [The history of the conflict and Israel's attacks against Iran] // TASS. — Moscow, 2025. — URL: <https://tass.ru/info/24211415> (accessed: 29.03.2026). [in Russian]

10. Voina Izrailya i Irana v 2026 godu: prichini, khronologiya i posledstviya [The 2026 War between Israel and Iran: causes, timeline and consequences] // RIA Novosti [RIA News]. — Moscow, 2026. — URL: <https://ria.ru/20260228/izrail-iran-prichiny-voyny-2023542052.html#2023542052-2023542057> (accessed: 29.03.2026). [in Russian]

11. Russia-Ukraine War // Britannica. — USA, 2026. — URL: <https://www.britannica.com/event/Russia-Ukraine-War#ref354589> (accessed: 05.04.2026).

12. Khronologiya spetsialnoi voennoi operatsii [Timeline of the special military operation] // Runiversalis. — URL: https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8 (accessed: 05.04.2026). [in Russian]